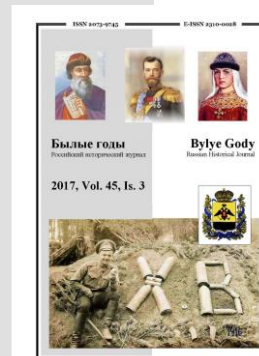

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 727-753, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.727
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 903.22

«Circassian Armor» in the System of Defensive Weapons of the Peoples of the Muslim East XV – mid XIX centuries

Leonid A. Bobrov ^{a,*}, Alexey V. Salnikov ^b

^a Novosibirsk state University, Russian Federation

^b Armavir socio-psychological Institute, Russian Federation

Abstract

The article describes the composition, construction features and evolution of complex protective arms of soldiers of the North-West Caucasus of the late middle ages and early modern times. It is established that in the basis of "Circassian armor" XV – mid XIX centuries. Lay the protective arms of the Circassians epoch of the Golden Horde (XIII–XIV centuries).

The main direction of development of protective arms of the Northwest Caucasus XV – mid XIX centuries was optimization of the design of the ring structure booking protection corps (the displacement of the traditional "chain armor" more easy and practical ringed "shell"), the emergence and spread of new and updated types of combat helmets (small hats, pdpao, misource, etc.), and tricuspid Bracers with ringed belt connection and ringed "polenakovic".

Thus from the wide military use was supplanted by reliable but heavy helmets with masks-masks, the ring-plate body armor, decreased size and decreased the frequency of the use of shields, etc. the Result of this process was the gradual relief of the already not too heavy armor complex. The comparative analysis allowed to determine the "Circassian armor" as a special subcomplex (option) of the North Caucasian regional complex of West Asian military cultural traditions. The evolution of this subcomplex in the XV–XVIII centuries was due to the development of local production technologies for the relatively small influence of the Ottoman and Iranian panoplie.

"Circassian armor" is one of the easiest protective weaponry complexes of the Western Asian military cultural traditions (the Circassians were not used so popular among the Turks and the Iranians ringed plate sertaline armor, ring, plate gaiters, armor for horses, etc.).

However, the "Circassian armor" was optimally adapted to conduct intensive equestrian battle in the rugged conditions (including mining) and steppe landscape, which led to its popularity among many sedentary and nomadic peoples of the region and also determined the duration of its existence in military practice, soldiers of the North Caucasus and Eastern Europe. Reliable, but easy enough defensive armament allowed the Circassian armored units to combine mobility with high breakthrough capacity and sustainability in the near and distant combat, which made them extremely dangerous opponent, as for the armies of the nomads of Eastern Europe, and for the regular and irregular troops of the Russian Empire.

Keywords: North Caucasus, Western Asia, Circassians, armour, armor, helmets, gauntlets.

1. Введение

В эпоху Средневековья и раннего Нового времени территория Северо-Западного Кавказа являлась одним из важных центров по производству защитного и наступательного вооружения в

* Corresponding author

E-mail addresses: spsm1@mail.ru (L.A. Bobrov), alexkat_salnikov@mail.ru (A.V. Salnikov)

Евразии. В XIII–XIV вв. продукция местных мастеров была хорошо известна и популярна среди оседлых и кочевых народов Восточной Европы. Более того, отдельные образцы северокавказского вооружения вывозились далеко за пределы региона, в том числе в отдаленные районы Западной и Южной Сибири, Мавераннахра, Восточного Дашт-и Кипчак и др. (Горелик, 2008: 172, 173; Бобров, 2014: 363–365; Бобров, Белоусова, 2015: 156–160). Наряду с клинковым и длиннодревковым оружием предметом черкесского экспорта являлись шлемы, панцири, щиты и дополнительные защитные детали. Доспехи северокавказского производства отличались высоким качеством исполнения и впечатляющими боевыми характеристиками. Кроме того, местные оружейники активно экспериментировали с новыми видами корпусной брони, конструкцией шлемов и щитовых усилителей.

Так, в частности, с территории Прикубанья происходит один из самых ранних образцов знаменитого кольчато-пластинчатого доспеха, получившего в XV–XVIII вв. широчайшее распространение среди воинов Мусульманского Востока.² Не исключено, что именно адыги являлись изобретателями шлемов составленных из четырех (реже двух) пластин соединенных между собой сваркой, которые стали особенно популярны среди воинов Восточной Европы и Северного Кавказа в Золотоордынский период. Кроме того, вероятно, именно мастера Северо-Западного Кавказа адаптировали западноевропейские щитовые усилители из металла для круглых ручных щитов азиатского образца, которые затем стремительно распространились по многим районам империи Чингизидов и т.д. (Горелик, 2004: 193, 194; Горелик, 2008: 169–173, 186, 189; Нарожный, 2008: 152–154; Двуреченский, Барышев, Бирюков, 2012: 16, 17; Бобров, 2014: 363–365; Бобров, Белоусова, 2015: 160).

Крушение Золотой Орды дало новый импульс развитию черкесского доспеха. В период позднего Средневековья, панцири и шлемы, изготовленные северокавказскими оружейниками, высоко ценились представителями военно-политической элиты Великого Княжества Московского (позднее, Московского царства), Османской империи, Сефевидского Ирана, Крымского ханства, Речи Посполитой и других государств региона. В 1595 г. персидский шах Аббас I Великий (1587–1629), показывая российскому посланнику князю Андрею Звенигородскому «шелома и шапки и зерцала» изготовленные иранскими оружейниками, особо подчеркнул, что «...пансыри добрые выходят к нам из Черкас».³ По всей видимости, кольчатые «пансыри» черкесского производства поступали в Иран в конце XVI – начале XVII вв. в ходе торгового обмена или дипломатических подарков. Так, например, в 1615 г. князь Малой Кабарды Мудар Алкасов отвез в дар все тому же Аббасу I пять иноходцев и «пансыри» (Аствацатурян, 2004: 100). Не гнушались черкесским защитным вооружением и представители российской знати. Так, например, на страницах пространной редакции «Задонщины» (написанной, предположительно, в 20–30-е гг. XVI в.) отборные русские воины вступают в бой одетые в «золоченые доспехи», с «московскими» щитами, но имея на голове «шоломы чиркаския» (т.е. высокие черкесские шлемы). В духовном завещании князя Ю.А. Лепинского-Оболенского (составлено не ранее 1547 г. и не позднее 1564 г.), наряду с другими предметами защитного вооружения, также упомянут «шелом тамошний черкесский» (Аствацатурян, 2004: 97).

В XVII в. кольчатые черкесские доспехи поступали, не только в арсеналы иранского шаха, но и в «казну» русского царя. Некоторые из них хранились в Оружейной Палате Московского Кремля (Гордеев, 1954: 87, 94). В 60-х гг. XVII в. российские власти прикладывали значительные усилия для создания в Астрахани центра по производству защитного вооружения под руководством опытных черкесских кузнецов («черкас пансырного дела самых добрых мастеров»). Последние должны были не только изготавливать кольчатые доспехи, но и обучить этому искусству местных и присланных из Оружейного Приказа Москвы «иноземных литовских ребят» (Аствацатурян, 2004: 100; Ривкин, Пинчо, 2011: 79).

Северокавказское защитное вооружения экспортировалось и на территорию Речи Посполитой. Доспешный комплекс воинов «пятигорских», «казацких» («панцерных») литовских и польских *хоругвей* в значительной степени повторял традиционное вооружение панцирников Северного Кавказа XVI–XVII вв.⁴

¹ Под Северо-Западным Кавказом мы понимаем регион, ограниченный с запада Черным Морем, а с востока правобережьем р. Сунжа. Северная граница региона проходит по рекам Кубань и Кума, а южная – по р. Псоу.

² Фрагмент кольчато-пластинчатой брони, датированный серединой XIV в. был обнаружен в погребении у п. Праздничный в Прикубанье (Горелик, 2008: 169, 170, 184, 185).

³ Согласно исследованиям М.В. Горелика, этноним «черкесы», по отношению к адыгам, был впервые применен монголами периода Великих завоеваний XIII в. и зафиксирован в тексте «Сокровенного сказания» (около 1240 г.). Позднее этот термин в приложении к адыгам встречается и у других восточных и западных авторов (Горелик, 2008: 158, 159). Так, в частности, Д. Интериано отмечал, что восточные народы называют коренных жителей северо-западного Кавказа – черкасами (Аталиков, 2010: 19). Судя по контексту, говоря об изделиях мастеров «Черкас», Аббас I имел в виду предметы защитного вооружения изготовленные адыгскими мастерами.

⁴ Согласно исследованиям Б. Барановского, О.А. Курбатова, С.П. Лапшова конница «пятигорцев» была создана в Литве в середине XVI в. по образцу отрядов горской знати, переселившейся в Литву из районов Пятигорья. «Пятигорцы» из литовской шляхты имели защитное снаряжение подобно кавказским горцам, но использовали традиционное польско-литовское оружие и способы конного боя (Барановский, 1979: 249–252; Курбатов, 2007: 7; Лапшов, 2017).

Видное место защитное вооружение северокавказского производства занимало в арсенале знати кочевых народов Восточной Европы XVII – начала XIX вв. В этот период его активно использовали представители крымско-татарской, ногайской и калмыцкой аристократии (Бобров, Сальников, 2016а; Бобров, Сальников, 2016б). На самом Северном Кавказе производство защитного вооружения сохранялось вплоть до середины XIX в., а в некоторых районах региона, его продолжали изготавливать даже во второй половине данного столетия. При этом новые панцирные детали, нередко, собирались из фрагментов старых доспехов.

Защитное вооружение народов Северного Кавказа XV–XIX вв. неоднократно привлекало к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Из работ последних десятилетий следует отметить фундаментальный труд Э.Г. Аствацатурян, тематические разделы монографии А.С. Марзeya, а также статьи Е.И. Нарожного, К.В. Скибы, Д.Ю. Чахкиева, Ю.А. Кулешова, Р.Б. Схатума, Л.И. Смирновой, и др. (Аствацатурян, 2004; Чахкиев, Нарожный, 1990; Смирнова, 1990; Схатум, 2003; Марзей, 2004; Скиба, 2004; Кулешов, 2008; Кармов, 2014; Карпов, 2015; Остахов, 2015; Сальников, 2015). Из недавних публикаций иностранных авторов можно выделить монографии американских ученых К. Ривкина и О. Пинчо, а также описания защитного вооружения черкесского производства из собрания Музея искусств Метрополитен выполненные Д.Г. Александром (Ривкин, Пинчо, 2011; Rivkin, 2016; Alexander, 2015: 111-115).

В то же время необходимо отметить, что многие вопросы, связанные с комплексом защитного вооружения народов Северного Кавказа, изучены еще в недостаточной степени. Так, в частности, не систематизированы и не классифицированы доступные вещественные материалы по доспеху адыгов, осетин, чеченцев, ингушей, аварцев, кумыков и других народов Северного Кавказа XV–XIX вв. из музейных собраний и частных коллекций Российской Федерации, стран ближнего и дальнего зарубежья, не выделены особенности северокавказского доспеха, по сравнению с защитным вооружением соседних народов, не установлены основные направления эволюции северокавказского доспеха на протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени, не определена роль северокавказского доспеха в эволюции защитного вооружения кочевников Восточной Европы (крымских татар, ногайцев, калмыков, башкир). К числу слабоизученных тем относится и проблема становления и развития позднесредневекового «черкесского» доспеха Северо-Западного Кавказа в рамках системы защитного вооружения Мусульманского Востока.¹ Последней теме и посвящена настоящая работа.

2. Материалы и методы

Решение поставленной научной задачи возможно на основе комплексного анализа вещественных, изобразительных и письменных источников. Основой источниковой базы исследования являются вещественные материалы, представленные археологическими находками и предметами вооружения из старых музейных собраний, арсеналов и частных коллекций. Нами собраны сведения о 209 корпусных панцирях, 162 боевых наголовьях, 95 наручах и панцирных «полурукавицах», 22 щитах, которые могут быть датированы XV – серединой XIX вв. и соотнесены с комплексом защитного вооружения северокавказских воинов данного исторического периода. Подлинные образцы защитного вооружения представлены, как целыми экземплярами, так и их фрагментами.

Сведения, полученные при анализе вещественных источников, дополняются и уточняются с помощью изобразительных и письменных материалов. Изобразительные источники представлены графическими и акварельными рисунками, гравюрами, живописными картинами, выполненными российскими и европейскими художниками позднего Средневековья и раннего Нового времени. Особой разновидностью изобразительных источников являются постановочные фотографии статистов, а также бойцов «Собственного Его Императорского Величества Конвоя» в аутентичных доспехах, сделанные во второй половине XIX – начале XX вв. Всего собрано и проанализировано более 140 изображений панцирников региона. Письменные свидетельства о защитном вооружении воинов Северного Кавказа оставили османские, российские и европейские авторы XV–XIX вв. Данные описания позволяют уточнить некоторые вопросы эволюции доспеха народов Северного Кавказа, а также особенности боевого применения различных элементов защитного вооружения.

Отмечая специфику источниковой базы по теме исследования необходимо подчеркнуть, что профильные материалы локализуются по хронологической шкале интересующего нас исторического периода весьма неравномерно. Так, в частности, большинство подлинных образцов доспехов из старых собраний, арсеналов и частных коллекций, а также основная часть письменных и изобразительных свидетельств датируется XVII – серединой XIX вв., в то время, как материалы более раннего исторического периода представлены, преимущественно, предметами вооружения из археологических памятников и случайными находками.

¹ Термин «черкесский» применяемый к доспеху народов Северо-Западного Кавказа в известной степени условен, так как защитное вооружение адыгов рассматриваемого исторического периода имело симбиотический характер и сочетало в себе, как изделия местного производства, так и импортные предметы вооружения (см. ниже).

Также необходимо отметить, что среди позднейших материалов численно преобладают образцы «черкесского» защитного вооружения, происходящие с территории Северо-Западного Кавказа. Что касается панцирей, шлемов, щитов и дополнительных защитных деталей воинов Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана, то они составляют около 30 % от общего числа предметов защитного вооружения рассматриваемой серии. Данная ситуация обусловлена, как объективными, так и субъективными причинами связанными с особенностями военного дела народов различных районов Северного Кавказа XV–XIX вв., а также спецификой формирования профильной источниковой базы.

Тем не менее, изучение археологических источников, а также сравнительный анализ защитного вооружения Северного Кавказа XVII – середины XIX вв. с доспехом народов региона Золотоордынского периода позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать основные направления эволюции защитного вооружения населения Северо-Западного и Северо-Восточного Кавказа на протяжении переходного периода охватывающего XV–XVI вв. Также следует учитывать, что в эпоху позднего Средневековья и раннего Нового времени, в изучаемом регионе, широкое распространение получила практика передачи наиболее ценных предметов защитного вооружения из поколения в поколение.¹ Среди местной знати сформировался настоящий «культ» древнего оружия, которое нередко наделялось почти мистическими свойствами.² Старинные доспехи периодически «подновлялись» и дополнительно украшались местными мастерами и вновь передавались владельцам. В результате многие северокавказские панцири, наручи и шлемы, традиционно датируемые концом XVIII–XIX вв., в реальности были изготовлены значительно раньше данного периода. Так, например, некоторые черкесские шлемы и миссюрки XVIII–XIX вв. имеют в своей основе железные тульи западноазиатского производства XV–XVII вв. (Ривкин, Пинчо, 2011: 81, 82), а комбинированное наголовье из Аргунского ущелья было и вовсе снабжено маской-личиной золотоордынского времени (Кулешов, 2008: 94–98).

Главным методологическим основанием научных исследований, по изучению комплекса защитного вооружения народов Евразии эпохи Средневековья и раннего Нового времени, являются принципы историзма, объективности, а также системный подход, состоящий в целостном рассмотрении совокупности объектов, при котором выясняется, что их взаимосвязь приводит к появлению новых интегративных свойств системы.

В рамках применения системного подхода к изучаемому материалу, отдельные панцирные элементы и комплексы защитного вооружения, изучаются, как обособленное и развивающееся целое, состоящее из согласованных, необходимых и достаточных для существования данной системы элементов, каждый из которых обладает способностью к самостоятельному развитию при сохранении целостных характеристик системы. В рамках системного подхода используются рациональные положения эволюционизма (изменчивость и наследственность) и диффузионизма (заимствование, перенос, смешение).

Методика обработки источников определяется задачами исследования. На этапах анализа и интерпретации материалов в оружейведческих работах традиционно применяются морфологический, классификационный, типологический, сравнительно-описательный методы, метод датированных аналогий, верификации и корреляции полученных результатов. На этапе реконструкции защитных элементов задействован комплексный подход, основанный на сопоставлении письменных, вещественных, и изобразительных источников.

В последние десятилетия все более широкое признание в научной среде получает междисциплинарный метод предметных научно-исторических реконструкций. Выполненные из аутентичных материалов с применением соответствующих производственных технологий реконструированные предметы вооружения становятся объектом научных экспериментов позволяющих уточнить многие спорные вопросы, касающиеся особенностей изготовления и боевого применения различных типов доспехов, а также оружия дистанционного и ближнего боя.

Большинство указанных выше традиционных методов позволяют анализировать комплекс защитного вооружения на уровне определенного региона, этноса или государства. Для объяснения и анализа процесса эволюции азиатского доспеха на макрорегиональном и континентальном уровне одним из авторов настоящей работы были введены и обоснованы такие понятия как: Военно-культурная традиция (ВКТ), Региональный комплекс вооружения (РК), Субкомплекс вооружения (Ск).

¹ Согласно наблюдениям Р.Б. Схатума, начиная с XV в. адыги перестают помещать в погребения предметы защитного вооружения. С этого времени стандартный оружейный набор, помещаемый в могилу вместе с погребенным, включает почти исключительно оружие дистанционного и ближнего боя: луки, стрелы, сабли, значительно реже – шестоперы и топоры (Схатум, 2003: 226).

² Так, например, Ян Поттоцкий писал в 1798 г., что кольчатые панцири «...которые делаются в настоящее время, не в слишком большом почете, но у них есть старинные, которым нет цены; считают, что их производили некие девственницы и которых называли таххуты» (Аствацатурян, 2004: 99). Среди воинов Северного Кавказа XVIII–XIX вв. широко бытовало мнение, что старинные доспехи практически не пробиваемы для обычного оружия и хорошо защищают владельца даже от пистолетной и ружейной пули.

Военно-культурная традиция (ВКТ) в сфере защитного вооружения – исторически сложившаяся, изменяющаяся во времени и пространстве практика изготовления и применения панцирных комплексов, отличающихся от аналогичных комплексов других регионов преобладающими структурами бронирования корпусных панцирей, конструкцией шлемов, щитов и дополнительных защитных деталей. Для ВКТ характерны перманентная внутренняя эволюция и взаимодействие с соседними ВКТ, которое приводит к расширению или сокращению ареала распространения той или иной военно-культурной традиции. ВКТ – наднациональное и надгосударственное явление. Зародившись на территории определенного государства или нескольких государств, она может распространяться за их пределы не только путем успешной военной экспансии ее носителей, но и в ходе заимствований технологий, конструктивных и оформительских решений. Основным условием развития и распространения ВКТ является технологическое совершенствование производимых предметов вооружения. В качестве объективных или субъективных причин, стимулирующих/сдерживающих процесс эволюции и распространения ВКТ, выступают специфика ресурсной и производственной базы, политика и финансовые возможности местных властей, особенности военного дела того или иного народа, военная мода, культурные и религиозные традиции и т. д.

Военно-культурные традиции являются основными субъектами процесса эволюции азиатского доспеха. Последний представляет собой процесс взаимодействия и развития военно-культурных традиций различных регионов.

Носителями ВКТ являются региональные комплексы (РК) защитного вооружения, различающиеся между собой преобладающей разновидностью доминирующих в ВКТ структур бронирования, преобладающим покроем корпусных панцирей, набором панцирных элементов, особенностями конструкции отдельных элементов панцирного комплекса, характерными чертами оформления панцирей, шлемов, щитов и дополнительных защитных деталей. В районах соприкосновения двух и более военно-культурных традиций нередко появляются симбиотические региональные комплексы вооружения, сочетающие в себе элементы нескольких ВКТ.

На государственном и этническом уровне региональные комплексы вооружения могут делиться на субкомплексы (варианты), различающиеся особенностями декоративного оформления панцирных элементов, наличием дополнительных или отсутствием характерных для РК в целом оформительских и конструктивных деталей. Как и региональные, оружейные субкомплексы по своему происхождению могут быть «основными» и «симбиотическими». Последние, как правило, возникают на стыке нескольких ВКТ. На окраинах региона могут существовать локальные оружейные субкомплексы, представляющие собой «осколки» древних военно-культурных традиций (Бобров, 2011: 39-41).

3. Обсуждение

Кратко рассмотрим состав, особенности конструкции и системы оформления, основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Северо-Западного Кавказа позднего Средневековья и раннего Нового времени, а затем сопоставим «черкесский доспех» с защитным вооружением народов Мусульманского Востока XV – первой половины XIX вв.

На протяжении длительного времени черкесская (в первую очередь кабардинская) знать являлась законодателем военной моды для многих народов Северного Кавказа. По образному выражению автора книги «Двадцать пять лет на Кавказе, 1842–1867» А.Л. Зиссермана: «Кабардинцы были в некотором роде кавказскими французами, откуда распространялась мода на платье, на вооружение (здесь и далее курсив наш – Авт.), на седловку, на манеру джигитовки». Данная идея была поддержана и развита участником Кавказской войны И.Д. Попко (1819–1893): «Рыцарская Кабарда была законодательницей мод и вкуса всех воинственных адыгских обществ от Сунжи до Черного моря...» (Попко, 1880: 110). Изучавший историю русско-кабардинского военно-политического сотрудничества В.Б. Вилинбахов отметил, что: «Влияние кабардинцев было значительно и выражалось в подражании им окружавших их народов в одежде, вооружении, нравах и обычаях. Искусство кабардинцев сидеть на коне, носить оружие, умение держаться, их манеры, были так своеобразны и поразительны, что ингуши, осетины и чеченцы отправляли в Кабарду своих детей учиться всему этому. Слова «он одет и ездит, как кабардинец» звучали наивысшей похвалой для них» (Вилинбахов, 1982: 240). Характерно в данной связи, что при формировании «Собственного Его Императорского Величества Конвоя», в состав которого были включены представители многих народов Северного Кавказа, именно «черкесский доспех» был определен в качестве эталона при изготовлении унифицированного защитного вооружения воинов данного элитного подразделения.

Основными потребителями металлического защитного вооружения на Северо-Западном Кавказе являлись верховные князья (*пцыххуэ*), князья (*пцы*, *пши*), дворянство (*уорки*) и наиболее состоятельные дружинники (вассалы *уорков*). При этом, согласно данным Джеймса Белла (середина XIX в.), владеть доспехом простым черкесам, якобы, запрещалось. И только по мере того, как адыги убедились, что панцирь «...не может служить защитой от пушечных выстрелов» разбогатевшие представители низших классов стали приобретать защитное вооружение: «Кольчуга, шлем и лук составляли вооружение князя или дворянина; если допустить, что этим вооружением и разрешалось пользоваться простым смертным (утверждают, что это им не разрешалось), то все же эти предметы

стоили слишком дорого, чтобы они могли бы стать общим достоянием, ни один из них не изготовлялся в стране¹... [однако позднее]. Многие из них и даже рабов стали путем торговли (заниматься торговлей всегда считается унижительным для двух других сословий) значительно богаче, чем большинство дворян и князей, и поэтому имеют возможность приобрести все, что необходимо для своей защиты» (Белл, 1974: 368; Аствацатурян, 2004: 27).

В связи с замечанием Д. Белла, значительный интерес представляет вопрос о широте распространения металлического защитного вооружения среди черкесских воинов позднего Средневековья и раннего Нового времени. В одном из донесений Василия Бакунина датированном 1743 г. сообщается о едва ли не поголовном обеспечении кабардинских «военных людей» металлическим защитным вооружением: «Ныне в Большой Кабарде на Баксане военных людей собраться может слишком 6 тысяч человек. А в Малой Кабарде у Татартюпа военных людей собраться может с небольшим три тысячи человек. А сабли и шашки припущенные у каждого кабардинца, да и панциря редкий человек не имеет» (Марзей, 2004: 2010).

Последнее утверждение представляется преувеличением, однако значительная роль панцирной конницы в черкесском военном искусстве позднего Средневековья и раннего Нового времени не вызывает сомнений и подтверждается многочисленными письменными и изобразительными источниками (см. ниже). Партнером адыгских панцирников выступала легкая конница и пехота. Согласно сообщению С.М. Броневского (1810 г.): «Каждый отряд состоит из панцирников, простой конницы и пехоты. Князья и уздени, одетые в панцири, с ближайшими их людьми составляют отборную конницу наездников, прочие разделяются на простую конницу и, смотря по обстоятельствам, на пехоту, в коей служат одни крестьяне, отправляя звание стрелков при случае защиты тесных проходов» (Вилинбахов, 1982: 133).

В локальных конфликтах численность конных панцирных воинов обычно не превышала нескольких десятков всадников. Однако во время масштабных военных компаний «пансырные» черкесские соединения могли насчитывать несколько сотен кавалеристов облаченных в железные доспехи. Так, например, А.Х. Бенкендорф лично наблюдал черкесский отряд, состоявший из более чем четырех сотен адыгских панцирников: «Потом мы снова оседлали коней, и по сигналу-стрелы, которую Рослам-бек самолично выпустил из своего лука на невероятную высоту, более 400 черкесов в кольчугах и шлемах, вооруженных различным оружием прискакали к нам во весь опор. Это была кавалерия наивысшего уровня, самая искусная и наилучшим образом вооруженная из всех, какие только могут быть...». Участник экспедиции в западную Черкессию в 1807 г. граф де Рошешуар упоминает «полчища всадников в железных бронях... вооруженных ружьями, саблями, пистолетами, пиками и даже луками...», которые атаковали российскую пехоту, построившуюся в каре во время боя состоявшегося между Анапой и Суджук-Кале (Мемуары графа..., 2002: 531).

В 1828 г. в рейде черкесов князя Джембулата Айтекова-Болотокова на занятую российскими войсками Кабарду участвовало, по разным данным, от нескольких сотен, до тысячи и более конных панцирников. Генерал-лейтенант Г.А. Эмануэль писал Николаю I, что 3-тысячная конница составленная «из закубанских черкесов и беглых кабардинцев», во главе с многочисленными панцирниками, в ходе сражения ожесточенно атаковала не только кавалерийские и пехотные подразделения, но и артиллерийские позиции российской императорской армии: «При сем всеподданейше пред В.И.В. осмеливаюсь свидетельствовать об отличной храбрости, оказанной нашими войсками, бывшими в сем деле, против отборных толико в большом количестве горцев, бывших в панцырях и сражавшихся с неимоверным усилием, нападая на артиллерию, каковых примеров прежде не бывало» (Всеподданейший рапорт..., 1878: 878, 879).

Еще более ярко участие черкесских панцирников в походе 1828 г. описал В. Потто: «Шествие Джембулата по русским пределам, сопровождалось даже некоторой торжественностью. Двухтысячная конница представляла незаурядное явление: почти половина ее состояла из представителей знатнейших закубанских фамилий, рыцарские доспехи которых – дорогие шлемы, кольчуги и налокотники – горели и сверкали под лучами июньского солнца» (Потто, 1998: 296).

Система обеспечения черкесских войск защитным вооружением осуществлялась за счет комплексного подхода. Часть шлемов, панцирей и дополнительных защитных деталей изготавливалась местными мастерами (в том числе с применением полуфабрикатов иностранного производства, а также старинных османских, иранских и кавказских шлемов и наручей). Кроме того, часть предметов защитного вооружения импортировалась в Черкессию из соседних государств и регионов. Так, в частности, корпусные панцири ввозились с территории Ирана, Османской империи, Кубани, Абхазии, России, Дагестана, тульи шлемов и наручи из Ирана, Закавказья, Османской империи и т.д. Таким образом, позднесредневековый «черкесский доспех» имел симбиотический характер и сочетал предметы защитного вооружения, как местного, так и иностранного производства. Согласно традиции, при установлении вассальных отношений князья выдавали своим уоркам, так называемый «дворянский подарок» («уэркъ тын») в состав которого входил и кольчатый панцирь. Дружинники получали доспехи от своих сюзеренов или приобретали их самостоятельно (Вилинбахов,

¹ Мнение Д. Белла о том, что в Черкесии отсутствовало собственное производство защитного вооружения проверяется другими письменными, а также вещественными источниками.

1982: 128-130; Аствацатурян, 2004: 27, 97-101; Марзей, 2004: 210; Бобров, Сальников, 2016а; 2016b; 2016с).

Классический комплекс металлического защитного вооружения черкесских воинов XVII – первой половины XIX вв. состоял из трех основных элементов: боевого наголовья, корпусного кольчатого панциря, а также створчатых наручей дополненных кольчатыми «полурукавицами». Рассмотрим данные элементы более подробно.

Черкесские боевые наголовья позднего Средневековья и раннего Нового времени представлены шлемами и мисюрками. Традиционно черкесские шлемы подразделяются исследователями на «высокие» («танж», «таш», «таж») и «низкие» или «средние» («ндьлао»). В музейных и частных собраниях России, Турции, Грузии, Ирана, США, ФРГ, Франции, Катара и других стран, хранятся не менее 112 шлемов изготовленных черкесскими мастерами, или иностранными оружейниками по черкесским образцам. По материалу изготовления тульи, все наголовья рассматриваемой серии относятся к классу железных, на основании конструкции тульи выделяются два отдела: клепаные (около 20 %), а также цельнокованые и сварные (около 80 %). На основании формы купола среди высоких наголовий типа «танж» выделяются три основных типа шлемов: конические (рис. 1, 1, 2; 2, 1), сфероконические (рис. 1, 3), цилиндроконические (Бобров, Сальников, 2016а: 330), а среди низких наголовий «ндьлао» два типа: сфероконические (рис. 2, 3) и полусферические. Наряду с классическими образцами применялись и шлемы переходных форм (рис. 2, 2).

При изготовлении шлемов черкесскими оружейниками XVII–XIX вв. не редко использовались тульи османских, иранских и кавказских наголовий более ранних исторических периодов, которые адыгские мастера дополняли новыми шлемовыми элементами: обручами, накладками, навершиями, а также кольчатыми бармицами «переднеазиатского типа».

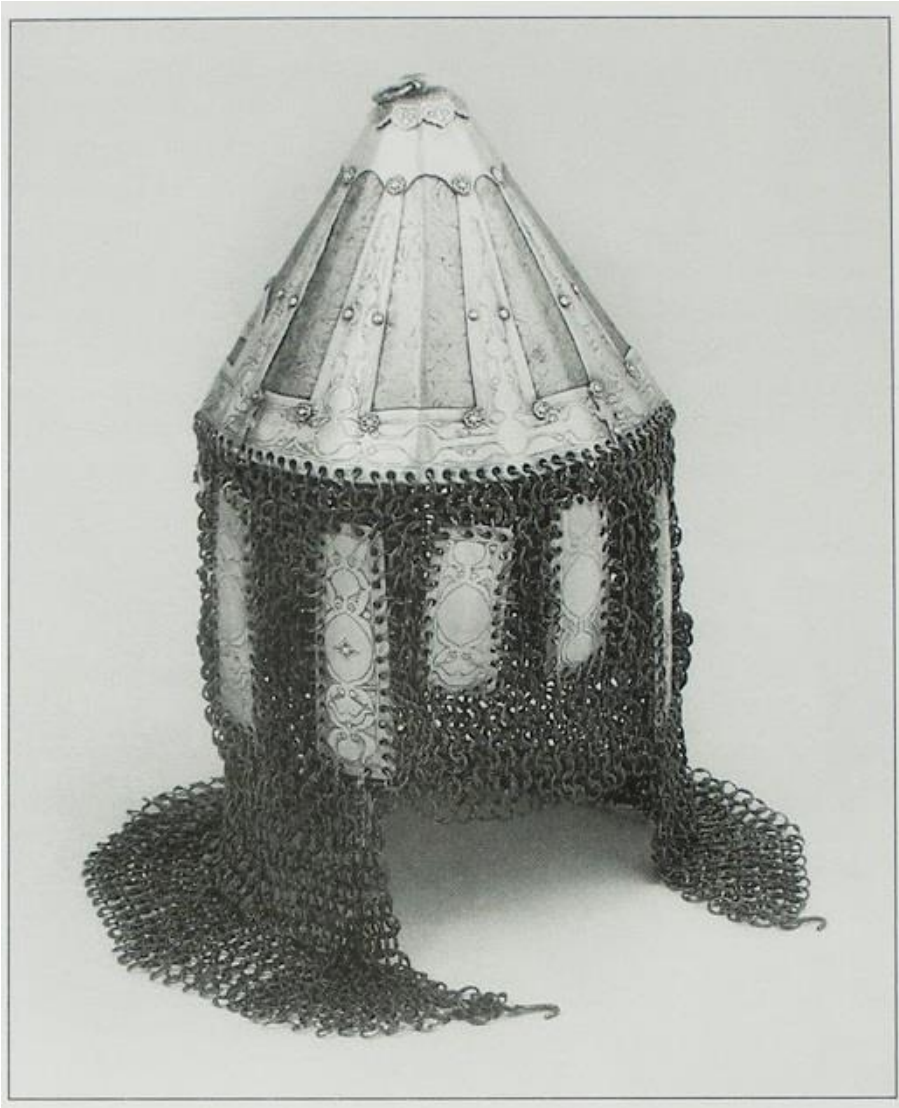

Рис. 1. Разновидности шлемов «танж» черкесского образца XVIII – начала XIX вв.:

1.1. «Танж» с кольчатой бармицей мастера Али, сына Хаджи Бакиса, 1785–1786 гг., ГЭ, Инв. № В.О.-3331

Характерными чертами конструкции шлемов черкесского производства является использование обручей, накладок, а также конических и сфероконических наверший выполненных из медного сплава, обычного или позолоченного серебра (рис. 1; 2). Поверхность данных шлемовых элементов покрывалась характерным орнаментом в виде «запятых», Y-образных растительных побегов (рис. 1, 1, 3), сетчатого узора типа «сито» (рис. 1, 1), трех- и четырехлучевой свастики (рис. 1, 3), многолучевых цветков с каплевидными лепестками и т.д. Фон рисунка убирался характерным

зубчатым орнаментом («зубчаткой»). Обручи и накладки шлемов не редко дополнялись округлыми или мидалевидными «мишенями» покрытыми надписями, выполненными арабским письмом, изображениями свастики и т.д. (рис. 1, 1,3; 2).

1.2. Конический «танж» с кольчато-пластинчатой бармицей, ГЭ, Инв. № В.О. –2802

Классическим типом черкесского плюмажа являлась пара красных лент, или лопастей из красного сафьяна, обшитого узорчатым галуном (рис. 1, 1; 2, 1). Несколько реже встречались плюмажи из одной или трех лент. Матерчатые лопасти крепились к специальному округлому или подтрапециевидному металлическому кольцу на навершии шлема (Аствацатурян, 2004: 97; Ривкин, Пинчо, 2011: 82, 83; Анисимова, 2013: 229, 231; Бобров, Сальников, 2016а; 2016б).

Все разновидности черкесских шлемов обычно снабжались кольчатыми или кольчато-пластинчатыми бармицами «переднеазиатского типа» имеющими специальный налобник защищающий лоб, а иногда и верхнюю часть лица (рис. 1; 2).¹ В боевом положении концы бармицы стягивались между собой и фиксировались под подбородком воина специальными парными крючками (рис. 1, 1,2; 3, 2; 4; 5). В отличие от своего иранского аналога, снабженного остроугольными фестонами, кольчатые бармицы черкесских наголовий обычно имели ровный нижний край (Аствацатурян, 2004: 99; Ривкин, Пинчо, 2011: рис. 26-28; Бобров, Сальников, 2016а, 2016б).

¹ Подобная конструкция позволяла существенно уменьшить высоту тульи шлема, а значит сделать его более компактным и легким. При этом защитные свойства наголовья почти не пострадали, так как вместо цельной пластины тульи или обруча лоб и затылок воина стала защищать кольчатая броня. Благодаря подобному конструктивному решению сфероконические и полусферические шлемы Северного Кавказа типа «пдыао» фактически заняли промежуточное положение между классическими шлемами и уплощенными миссюрками (рис. 2, 3).

1.3. «Танж» с кольчатой бармицей (кольцо для лент заменено на пиковидное навершие иранского образца).

Характерной особенностью конструкции черкесских шлемов XVII–XIX вв. является отсутствие пластинчатой защиты лица в виде наносника-стрелки. Данный факт представляет тем больший интерес, если учесть, что шлемы большинства ближних и дальних соседей черкесов обладали подобной защитой. Так, в частности, подвижными наносниками были снабжены иранские «кулахуды», османские шлемы различных типов, русские «шишаки», «ерихонки» и т.д. На наш взгляд данный факт объясняется не только особенностями оружейной традиции черкесов, но и спецификой их панцирного комплекса и боевой практики.

Рис. 2. Шлемы черкесского образца XVIII – первой половины XIX вв.
2.1. «Танж» с кольчатой бармицей, БМ, Инв. № 1881,0802.153

Как показали экспериментальные испытания, черкесские шлемы служат весьма надежной защитой от рубящих сабельных ударов, так как клинок скользит и срывается с гладкой тульи наголовий. Высокий купол шлемов типа «танж» амортизирует удар, а выпуклые грани на шлемах с ребристой тульей выполняют функцию ребер жесткости.

2.2. Шлем переходной формы, ГИМ, Инв. № 3340 ор

В некоторых случаях, клинок по инерции соскальзывает на ключицу обороняющегося воина, но не приносит ему существенного вреда, так как лезвие встречает на пути двойной слой кольчатой брони образованной лопастью бармицы и наплечной части корпусного кольчатого панциря. При нанесении вертикального рубящего удара сабельное лезвие сталкивается с плоскостью тульи, не задевая лба обороняющегося воина (дополнительную защиту верхней части лица при таком ударе выполняет кольчужный налобник). Гораздо более опасны для черкесского шлема боковые рубящие и фронтальные колющие удары. По всей видимости, их полагалось отражать собственным клинком, или внешней створкой стального наруча. Характерно, в данной связи, что поверхность черкесских наручей (особенно левого) часто покрыта следами от рубящих ударов оружия противника ([Ривкин, Пинчо, 2011: 81](#); [Бобров, Сальников, 2016а: 331, 332](#)).

2.3. Шлем «ндълао», 1796-1797 гг., ГИМ, Инв. № 16390 ор.

Большой популярностью среди состоятельных черкесских воинов рассматриваемого исторического периода пользовались мисюрки состоявшие из слабовыпуклого железного «напleshника» полусферической или сфероконической формы, а также кольчатой или кольчато-пластинчатой бармицы (рис. 3; 4; 5).

103. Миссюрка с бармицей (Кавказ), первая половина XIX в.

Рис. 3. Миссюрки черкесского образца XVIII- первой половины XIX вв.

3.1. Миссюрка с кольчатой бармицей, ВИМАИиВС, Инв. № 138/3 (Анисимова, 2013: 231)

Как и в случае со шлемами, при сборке наголовья черкесскими мастерами не редко использовались тульи старинных миссюркок западноазиатского производства. Гладкая или ребристая тулья миссюрки могла дополняться орнаментированным обручем (украшенным в технике «черкесской черни», неглубокой гравировки и т.д.) и невысоким сфероконическим или коническим навершием с кольцом для плюмажа (рис. 3).

3.2. Миссюрки с кольчато-пластинчатой и кольчатой бармицей, ГИМ (Аствацатурян, 2004: 99).

Данные элементы могли изготавливаться из медного сплава, обычного или позолоченного серебра и железа. Так же как и шлемы, черкесские миссюрки, в большинстве случаев, украшались плюмажом из пары цветных (как правило, красных) лент (рис. 4; 5).

Рис. 4. «Черкесский воин знатного происхождения в полном обмундировании, в кольчуге с колчаном стрел и луком, гарцующий на лошади». Рисунок Х.Г. Гейслера, конец XVIII в.

Все разновидности железных боевых наголовий воинов Северо-Западного Кавказа одевались поверх головного убора или подшлемника выполненного из мягких органических материалов. В некоторых случаях, для защиты головы применялись папахи, в подкладку которых могли вшиваться сегменты кольчатой брони. При определенных обстоятельствах папахи могли защитить их владельца от сабельного удара противника. Так, в частности, Т. Лапинский сообщал по этому поводу: «Головной убор состоит из высокой барашковой шапки на толстой подкладке, которая может выдержать сильный сабельный удар» (Марзей, 2004: 218).

Преобладающей разновидностью металлической защиты корпуса черкесских воинов являлись кольчатые «пансыри» сплетенные из небольших уплощенных колец соединенных на шип (в отличие от более крупных округлых в сечении колец «кольчуг» соединенных с помощью специального гвоздя).

Рис. 5. «Черкесский князь в полном обмундировании поверх кольчуги и черкесский воин в бурке для дождливой погоды». Рисунок Х.Г. Гейслера, конец XVIII в.

При сборке кольчатого доспеха адыгскими мастерами позднего Средневековья и раннего Нового времени традиционно применялось так называемое одинарное плетение, когда в одно кольцо вставлялись четыре соседних. При этом, кольца адыгских «пансырей» дополнительно сваривались кузнечным способом (методом горячей сварки), что обеспечивало очень надежное соединение колец и выгодно отличало «пансыри» черкесского производства от аналогичных изделий мастеров других регионов. Сами кольца иногда снабжались небольшим ребром жесткости, благодаря которому имели характерное треугольное или даже ромбическое сечение, что существенно повышало защитные свойства доспеха, хотя и увеличивало трудозатраты, а значит и общую стоимость брони. Основным преимуществом «пансыря» перед традиционной кольчугой был меньший вес¹, а также, возможно, более высокая скорость сборки. Кроме того, благодаря тому, что «пансырь» одевался выпуклыми шипами наружу, он не повреждал поддоспешную одежду (Гордеев, 1954: 87, 94; Аствацатурян, 2004: 100, 101; Ривкин, Пинчо, 2011: 84).

Основным видом покроя черкесских кольчатых панцирей была «рубаша» с неглубокими нагрудным и подольными разрезами и коротким (выше колен) подолом (рис. 5). Рукава кольчатой «рубашки» обычно доходили до локтя (рис. 4) или до середины предплечья, а в редких случаях до запястья воина. Иногда панцирь снабжался отложным или стоячим кольчатым воротником.

¹ Черкесские «пансыри» XVII в., хранящиеся в арсенале Оружейной Палаты Московского Кремля, сплетены из колец диаметром 1,0–1,1 см (толщина проволоки – 1,0–1,2 мм) и весят от 3,390 до 4,920 кг. Для сравнения, вес кольчуг в том же собрании достигает 8–17 кг. (Гордеев, 1954: 87, 94).

В последнем случае, для обеспечения воротнику вертикального положения в ряды колец протягивались специальные кожаные ремешки. В кольчужное полотно панцирей на груди и на спине могли вплетаться небольшие округлые пластинки (рус. «мишени») выполненные из обычной или посеребренной меди. Согласно «Описи» 1687 г. черкесские панцири, хранившиеся в арсенале Оружейной палаты Московского Кремля, были украшены тремя или шестью «мишенями» соответственно (Аствацатурян, 2004: 100, 101).

Считалось, что кольчатый «пансырь» черкесского производства должен был выдерживать не только рубящий удар клинкового оружия, но и pistolетную пулю. Качество доспеха, согласно Г.-Ю. Клапроту, проверяли следующим образом: «...кладут на теленка и стреляют из pistolета. Как правило, пули не пробивают их, лишь теленок после этого слегка пошатывается» (Аствацатурян, 2004: 100). Многочисленные сообщения иностранных путешественников и российских офицеров подтверждают, что при определенных обстоятельствах, кольчатый черкесский панцирь (в комбинации со стеганой поддоспешной одеждой) мог защитить его владельца не только от pistolетного выстрела, но даже от пули, выпущенной из гладкоствольного ружья. Так, например, поручик Симановский описал характерный эпизод, произошедший во время сражения с черкесами в 1837 г.: «При занятии аула несколько конных черкас были от нас не более как на 1/2 ружейного выстрела, мы бежали за ними и стреляли, но они, нимало не конфузясь, удалялись от нас шагом и маленькой рысью; приостанавливая лошадь в удобных местах, они по нам стреляли. Мы засыпали их пулями, но ни одного не могли ранить, ибо это были панцирники...» (Гордин, 2000: 415; Аствацатурян, 2004: 100, 101).

Стоимость кольчатого панциря зависела от качества изготовления и дороговизны его декоративного оформления. «Черкасские пансыри» были оценены чиновниками «Оружейной Палаты» второй половины XVII в. в 6–10 руб., а «пансырь» с посеребренными медными «мишенями» в 15 руб. (Аствацатурян, 2004: 101). В тексте «Постановления о сословиях в Кабарде» упоминаются «лучший панцирь, стоящий двух крестьянок», а также «другой панцирь попроще, стоящий одной холопки» (История адыгейского народа..., 1861: 125).

Согласно Джеймсу Беллу (середина XIX в.), первоначально за качественную «кольчугу» покупателю «...приходилось отдавать, от 10 до 200 быков (в зависимости от качества)». Однако позднее, ввиду того, что черкесы убедились, что «кольчуга» не защищает от артиллерийского огня шрапнели ее стало «...можно теперь приобретать за половину ее прежней стоимости» (Аствацатурян, 2004: 27). За некоторыми элитными панцирями черкесская знать устраивала настоящую охоту. Борьба за старинный «блестящий и богатейший панцирь с золотыми гвоздиками» стала основной темой отдельного исторического предания записанного Шора Ногмовым (История адыгейского народа..., 1861: 114, 115).

Отмечая широкое распространение «пансырей» среди знатных черкесских воинов особо отметим, что наряду с ними, адыги использовали и классические кольчуги, как иностранного, так и, возможно, местного производства.

Как и другие воины Мусульманского Востока,¹ черкесы предпочитали носить кольчатый панцирь между двух слоев матерчатой одежды. Под панцирь поддевался стеганный ватный кафтан - «тэджэлей» (ср. с рус. «тягеляй» и монг. «дэгэл», «дэгэлэй»). Поверх кольчатого доспеха мог одеваться кафтан или куртка «танжъедед» с осевым разрезом, коротким подолом² и рукавами до локтя или (реже) до запястья (рис. 5), которая предохраняла металлический панцирь от нагревания на солнце и от воздействия влаги. Согласно Э. Кемпферу наддоспешники черкесской аристократии были шиты из шелковой ткани: «Знатнейшие люди страны носят теперь панцири, на которые они надевают шелковые кафтаны» (Аствацатурян, 2004: 99).

Судя по изобразительным материалам, верхние наддоспешные кафтаны обычно покрывались тканью белого или красного цвета.³ Нагрудная и наспинная часть кафтана могла усиливаться небольшими парными зеркалами округлой (круглой или овальной) формы изготовленными из стали, меди или медного сплава. Наличие многослойного разнотипного покрытия сочетающего эластичный железный доспех со стеганным поддоспешником усиливало защитные свойства комплекта в целом. И. Бларамберг писал по этому поводу: «Во время военных действий они надевают под кольчугу ватную одежду, благодаря упругости которой пули отскакивают еще лучше» (Марзей, 2004: 209).

В качестве защиты предплечья и кисти черкесскими воинами применялась комбинированная система защиты состоявшая из двух- или трехстворчатого наруча (черкес. «еушэджий») и

¹ В данном случае речь идет не о профессиональной принадлежности черкесов, а об их защитном вооружении, которое развивалось в русле "мусульманской" оружейной традиции.

² В редких случаях с длинным подолом ниже колен.

³ Как правило, кафтаны были однотонными, но могли снабжаться более-менее широкой оторочкой из галунов или ткани другого цвета. Так, например, красный кафтан обычно оторачивался полосой белой или желтой материи. Кроме того, красные и белые кафтаны иногда украшались вышивкой или аппликацией в виде золотых цветков с распустившимися бутонами. В редких случаях наддоспешные кафтаны имели желтый, оранжевый, розовый, голубой, синий или зеленый цвет.

кольчужной «полурукавицы» (черкес. «*аэшигел*»). Преобладающей разновидностью наручей были трехстворчатые образцы с комбинированным кольчато-ременным соединением (рис. 4). Железные створки наручей украшались орнаментированными накладками из серебра или медного сплава. Кольчужные «полурукавицы» черкесского образца (в отличие от большинства иранских аналогов) не пришивались к подкладке наруча, а одевались отдельно и фиксировались кожаными ремешками. Конструктивно они представляли собой матерчатую лопасть из красного, черного сафьяна или иной ткани (иногда на кожаной основе), которая не редко снабжалась выделенным большим пальцем. Обычно «полурукавица» состояла из раструбы с ровным или вырезным краем и сегмента прикрывавшего тыльную сторону ладони, поверх которого нашивалось кольчужное полотно. По краю обоих элементов мог пропускаться цветной галун (в том числе, из золотых или серебряных нитей), а внешняя сторона раструбы и нижняя сторона «полурукавицы» иногда украшалась вышивкой. В боевом положении раструбы заправлялись в наруч (рис. 4) или натягивались поверх створок. Если непосредственная опасность отсутствовала, то кольчужный сегмент на подкладке мог отгибаться вверх (рис. 5), в сторону локтя (Аствацатурян, 2004: 101, рис. 84; Ривкин, Пинчо, 2011: 80, 81, рис. 22, 23, 36; Образцов, 2015: 52, 53; Анисимова, 2013: 229).

В военном искусстве черкесов конный бой с применением длинноклинового оружия играл исключительно важную роль. В подобных условиях наручи и кольчатые «полурукавицы» использовались не только для защиты предплечья и кисти воина, но и для парирования рубящих и отведения колющих ударов противника. Экспериментальные испытания показали, что система «*еушэдэжй-аэшигел*» представляла собой весьма надежную и эффективную защиту верхних конечностей воина. Так, в частности, установлено, что при угловом секущем ударе клинок скользит и срывается с гладкой поверхности большой створки наруча. При этом наибольшей деформации подвергаются не железные пластины, а декоративные латунные накладки. В условиях динамичного конного боя вероятность строго вертикального удара по поверхности наруча была не слишком высока. Однако даже если противнику удавалось нанести удар под углом в 90 градусов, прорубить полусферическую поверхность большой створки на толстой матерчатой подкладке было весьма не просто. Если же удар приходился под острым углом или по касательной, то он скользил по гладкой поверхности пластины (Бобров, Сальников, 2016с).

Необходимо отметить, что наряду с описанным выше «классическим» панцирным комплексом, черкесскими воинами иногда использовались, в целом, нестандартные для Северо-Западного Кавказа XVI–XIX вв. элементы металлического защитного вооружения. К их числу можно отнести кольчатые капюшоны или бешметы, «наколенники» (т.е., вероятно, кольчатые или кольчато-пластинчатые набедренники)¹, «пансырные плащи», щиты, кольчатые конские попоны и др. (Вилинбахов, 1982: 129, 132; Ривкин, Пинчо, 2011: 80).

Особо отметим такой элемент защитного вооружения, как щиты. Подлинные образцы щитов, усиленных железными умбонами и накладками, неоднократно встречаются в погребениях адыгских воинов Золотоордынского периода (Горелик, 2004: 185–187; Схатум, 2003; Горелик, 2008: 172, 173, 189).

Вопреки распространенному мнению, ручные щиты продолжали применяться черкесами и в более поздние исторические периоды. Так, например, их упоминает в числе основного вооружения адыгов османский путешественник Эвлия Челеби посетивший Северный Кавказ в 1666 г.: «Воины были обязаны иметь по одной чистокровной лошади, *щит*, лук со стрелами, меч, копье» (Челеби, 1979: 59). О «больших, весьма тяжелых щитах» входивших в состав «древнего вооружения» черкесов сообщает и Шора Бекмурзин Ногмов (История адыгейского народа..., 1861: 23).

Однако в XVIII–XIX вв. щиты постепенно выходят из широкого военного обихода черкесских воинов. Академик Г.-Ю. Клапрот, побывавший на Северном Кавказе в 1807–1808 гг., при описании вооружения черкесов прямо указал, что «щит же у них не распространен» (Аствацатурян, 2004: 27).²

¹ Можно предположить, что кольчатые «наколенники» черкесов напоминали кольчужные набедренники или «штаны» сохранившиеся в комплексе защитного вооружения грузин-хевсуров вплоть до начала XX в.

² Использование щита адыгскими воинами развитого Средневековья подтверждается археологическими находками. В Вардановском, Медведовском и Убинском могильниках, относящихся к XIII–XIV столетиям, среди прочих артефактов, были найдены фрагменты щитов. В то же время, в погребальном инвентаре захоронений более позднего времени, XV–XVII веков, щиты не входят. По мнению Д.Ю. Чахкиева и Ф.Р. Накова, появление черкесской сабли, сделало щит не эффективным против мощного режуще-секущего удара. В то же время сам клинок, благодаря своей форме успешно использовался при парировании, таким образом, заменяя щит. Ф.Р. Наков, предполагает, что черкесская сабля явила собой новую технику фехтования, в которой значительную роль играл колющий удар, отразить который щитом было сложнее, нежели рубящий. Таким образом, использование щита было существенно ограничено (Остахов, 2015: 53–55). На наш взгляд, процесс вытеснения щитов из широкой военной практики был обусловлен комплексом причин, связанных с эволюцией наступательного и защитного вооружения, а также тактики адыгов. Так, в частности, одним из факторов стало распространение среди черкесов створчатых наручей, которые использовались адыгскими панцирниками для парирования рубящих и отведения колющих ударов противника (Бобров, Сальников, 2016с). При этом, в качестве альтернативы тяжелому деревянному щиту черкесскими воинами применялась знаменитая бурка (Челеби, 1979: 59). Кроме того, обновленный комплекс защитного вооружения, состоявший из боевого наголовья, корпусного панциря и наручей с кольчатыми «полурукавицами», служил достаточно надежной защитой для конного воина в ходе стремительной кавалерийской рубки, даже при отсутствии щита.

Судя по немногочисленным изображениям и подлинным образцам, черкесские щиты конца XVIII – начала XIX вв. восходили к щитам Северо-Западного Кавказа Золотоордынского времени и были конструктивно близки своим аналогам с территории Северо-Восточного Кавказа и Грузии. Они имели округлую (круглую или овальную) форму, а лицевая поверхность щитов усиливалась железным умбоном, уплощенными обручами и накладками (рис. 6). Не исключено, что часть таких щитов импортировались в Черкессию с территории Северо-Восточного Кавказа или Грузии. При этом, судя по сообщениям Э. Челеби и изобразительным материалам, в отличие от хевсуров, щиты в черкесских войсках XVII–XIX вв. (как и у осетин и вайнахов) применялись не только (а, возможно, и не столько) панцирниками, сколько легковооруженными воинами.

Рис. 4. «Черкес или кабардинец в своей повседневной одежде с винтовкой, саблей и кинжалом, а также: 1) щит или кожаный щит...». «Лист 9» из книги И.А. Гильденштедта «Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг.». Гравюра была выполнена на основе рисунка штатного рисовальщика экспедиции Г. Белого в 1776 г.

Важным элементом черкесского защитного вооружения изготовленного из органических материалов была знаменитая бурка (рис. 5), представлявшая собой войлочный плащ, с подкроенными и сшитыми плечами с вырезом для шеи (Марзей, 2004: 219). Согласно сообщению османского путешественника Эвлия Челеби (1666 г.) черкесы весьма эффективно использовали бурку как защиту от стрел и клинкового оружия противника: «Эта одежда не имеет ни рукавов, ни разрезов [для рук], ни воротника и представляет собою [кусок] толстой ткани, ворсистой с одной стороны. В битвах они держали эту ткань перед собой. Если бы Афрасиаб, Рустем и Сиаб вступили [с ними] в бой, они не смогли бы устоять перед черкесами, эта накидка была словно щит. Действительно, эту ткань не пробивали стрелы и не рассекали мечи. Иногда [перед] битвой эту ткань мочат и набрасывают либо на спину, либо на грудь, либо, по потребности, на правое или левое плечо. Они вступают в бой как бешеные медведи» (Челеби, 1979: 59).¹

Определенную роль сыграли также эволюция клинкового оружия, снижение популярности копий и пик, а также появление и распространение среди воинов Северо-Западного Кавказа ручного огнестрельного оружия и связанных с ним способов ведения боя, при которых пользоваться ручным щитом было затруднительно (стрельба из ружья в спешном положении, стрельба с коня). В результате, в условиях динамичного конного боя, с применением длинноклинкового и огнестрельного оружия, использование щита конным панцирником оказалось излишним.

¹ Высокие защитные свойства бурки достигались, как за счет плотности самого материала, так и благодаря эффекту свободно свисающей ткани. Полифункциональность данной разновидности верхней одежды, оберегавшей ее носителя от холода, влаги и вражеского удара, обусловили длительность бытования бурки среди народов Северного Кавказа в целом и черкесов в частности. Даже в XIX – начале XX вв. бурка продолжала

Изображения черкесских воинов XVII в., использующих бурку «словно щит», приведены на гравюрах к книгам А. Олеария и Я. Янсена. Столетием позже о применении бурки («войлочной епанчи») черкесскими панцирниками писал немецкий ученый на русской службе, участник «Физической экспедиции» (1768–1774) Георги Иоганн-Готтлиб: «В полном параде являются они вооруженными кинжалом, саблею, колчаном, луком, стрелами и огнестрельным оружием; *а при том надевают на себя панцырь* и выезжают на богато убранной лошади. *Сверх всего накидывают они на себя войлочную епанчу так, что левая рука ею закрыта, а правая свободна.* Народ сей весьма храбр и отважен» (Описание..., 1799: 56).

А.С. Пушкин, живописуя внешний облик «проворного черкеса», упоминает «броню» наряду с «косматой шапкой» и «буркой черной» (Вилинбахов, 1982: 132). Венгерский ученый Жан-Шарль де Бесс (1829 г.) также отметил бурку в составе военного костюма черкесских панцирников: «Когда черкесы одевают парадную форму, они носят кольчугу, называемую афех, маленький шлем, кипха; их мантия, бурка, делается из мохнатого войлока; черкесы называют ее джако, а татары-ямаче...» (Аствацатурян, 2004: 27).

Если И.-Г. Георги, А.С. Пушкин и некоторые другие авторы XVIII–XIX вв. указывали на ношение черкесами бурки поверх кольчатого панциря, то упомянутый выше российский академик Г.-Ю. Клапрот, напротив, отметил факт использования бурки черкесами в тех случаях, когда они не одевали железного доспеха: «Черкес никогда не выйдет из своего дома невооруженным, по меньшей мере, он носит обычно саблю или кинжал у пояса, на плечах у него бурка (по-черкески джако, по-татарски ямач и по-армянски япинджи). Полным вооружением считается, кроме ружья и пистолетов, кольчуга (афе), небольшой шлем (кипха) или большой (таш), железные перчатки (аштельт), нарукавники (абшумбух). Если они выезжают в поле или наносят визиты, то бывают вооружены луком и колчаном со стрелами. Щит у них не распространен. Все оружие вообще прекрасного качества, но очень дорогое. Комплект оружия князя оценивается примерно в две тысячи рублей серебром» (Аствацатурян, 2004: 27).

На большинстве изображений черкесских воинов XVIII–XIX вв. бурки носят легковооруженные адыги, в то время как панцирники, обычно, обходятся без них (рис. 4; 5). Таким образом, изобразительные и письменные источники свидетельствуют, что бурка периодически использовалась черкесскими панцирниками в качестве дополнительной защиты корпуса и конечностей (см. сообщения И.-Г. Георги, А.С. Пушкина, картину У. Аллана и др.), однако в большинстве случаев, она применялась черкесскими воинами, не использующими металлических доспехов.

В целом, можно отметить, что комплекс защитного вооружения черкесской знати был ориентирован на ведение интенсивного (преимущественно кавалерийского) сражения с применением саадаков и клинкового оружия.¹ Относительно легкая и весьма эластичная кольчатая «рубаха» не стесняла движений профессионального воина во время дистанционного и ближнего боя, но при этом достаточно надежно защищала его корпус от рубящих ударов противника. Сочетание кольчатой брони и многослойных (в том числе стеганых ватных) кафтанов из органических материалов могло спасти их владельца не только от стрелы, но, при определенных обстоятельствах, даже от ружейной пули. Шлемы и миссюрки прикрывали голову, шею и, частично лицо воина от вражеского оружия. Створчатые наручи с комбинированным кольчато-ременным соединением, служили весьма эффективной защитой от рубящих ударов сабли или шашки. Надежное, но при этом, достаточно легкое защитное вооружение позволяло черкесским панцирным подразделениям сочетать мобильность с высокой прорывной способностью и устойчивостью в ближнем и дистанционном бою, что делало их крайне опасным противником, как для армий кочевников Восточной Европы, так и для регулярных и иррегулярных войск Российской империи.

оставаться эффективным средством защиты от воздействия колющего и рубящего длинноклинкового и длиннодревкового оружия противника. Так, например, о высоких защитных свойствах бурки писал участник Кавказской войны И.Д. Попко: «...она же, будучи войлоком, представляла упругую защиту и против сабельных ударов, и против укалов пики, стрелы...» (Марзей, 2004: 219). Не удивительно, что в подобных условиях, бурки, стали одним из важных предметов черкесского экспорта. Согласно данным К. Пейсонеля в XVIII в. ежегодно в Крым, Молдавию, Польшу, Турцию и Россию вывозилось около 200 тыс. бурок (Марзей, 2004: 219).

¹ Традиционно, главным оружием черкесских панцирников были луки и сабли. Характерным элементом оформления черкесских сабель «джатэ» было граненое «штыковидное» острие, предназначенное для нанесения колющих ударов, в том числе с целью разрыва кольчатой брони противника. Также применялись копья различных типов и, несколько реже, ударно-дробящее и ударно-рубящее оружие (булавы и топоры соответственно). Француз Жан де Люк (конец XVII – начало XVIII вв.) отмечал, что современные ему черкесы: «...мечут стрелы вперед и назад и ловко орудуя шашками. Голову защищают они кольчатым шишаком, покрывающим лицом. Оружием для нападения, кроме лука, служат им копья и дротики» (Вилинбахов, 1982: 132). В XVIII – первой половине XIX вв. древковое оружие выходит из широкой военной практики, зато значительное распространение получают шашки и ружья, из которых черкесские панцирники вели стрельбу, как в спешном положении, так и с коня.

4. Результаты

Рассмотрев особенности черкесской панолии, кратко остановимся на особенностях эволюции доспеха народов Северо-Западного Кавказа на протяжении эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

Сравнительный анализ защитного вооружения адыгов Золотоордынского периода и черкесов XVII–XIX вв. дал весьма интересные результаты. С одной стороны очевидна общая «генетическая» военно-культурная преемственность двух панцирных комплексов. Так, в частности, позднесредневековые адыги сохранили в качестве доминирующей разновидности корпусной защиты доспехи с кольчатой структурой бронирования скрепленные в виде «рубahi» с рукавами и коротким подолом. Вплоть до начала XIX в. черкесы продолжали использовать округлые окованные железом ручные щиты, восходившие к адыгским щитам XIII – начала XV вв. Дожили до раннего Нового времени и некоторые разновидности низких черкесских шлемов со сварной тульей и кольцом для плюмажа из двух матерчатых лент. Можно предполагать, что и створчатые позднесредневековые черкесские наручи также берут свое начало в Золотоордынской эпохе.¹

Однако с другой стороны, важные изменения затронули почти все основные составляющие адыгской панолии. Причем данные изменения коснулись не только конструкции, но и системы декоративного оформления различных защитных элементов. Так, в частности, существенным образом эволюционировал корпусный кольчатый доспех. Вместо классических для развитого Средневековья кольчуг, сплетенных из округлых в сечении колец соединенных на гвоздь, черкесскими воинами стали все чаще применяться «пансыри» из мелких уплощенных (иногда граненых) колец, скрепленных с помощью шипа, дополнительно зафиксированного последующей сваркой. Был оптимизирован и покрой кольчатой «рубahi», которая в некоторых случаях начала дополняться стоячим воротником, а иногда и удлиненными (до запястья) рукавами. Традиционные типы сварных шлемов получили новые и обновленные конструктивные элементы: обручи, навершия и накладки из серебра и медного сплава, а также кольчато-пластинчатые и кольчатые бармицы «переднеазиатского типа» со специальным кольчатым и кольчато-пластинчатым наложением. Распространились и новые виды боевых наголовий-комбинированных шлемов с цельнокюваной тульей западноазиатского и местного производства, а также миссюрки (рис. 1-3). Исключительной популярностью стали пользоваться трехстворчатые наручи с кольчато-ременным соединением и кольчатыми полурукавицами.

Общим трендом эволюционного развития доспеха Северо-Западного Кавказа XV–XIX вв. можно считать оптимизацию и постепенное облегчение и без того не слишком тяжелого доспешного комплекса. Данный процесс фиксируется почти во всех основных составляющих черкесского защитного вооружения. Так, в частности кольчуги были существенно потеснены более легкими и практичными кольчатыми «пансырями», а корпусные кольчато-пластинчатые доспехи совершенно исчезли из сколько-нибудь широкого военного обихода. Надежные, но громоздкие цилиндрикоконические шлемы с личинами были заменены на наголовья типа «танж», малые шлемы «пдылао» и миссюрки. Уменьшился диаметр щитов, а также сократилась широта их применения, практически совершенно вышли из употребления набедренники и конские панцирные попоны.

Особо подчеркнем, что процесс облегчения и оптимизации черкесского панцирного комплекса происходил постепенно на протяжении нескольких столетий. Классический черкесский доспех раннего Нового времени, состоящий из наголовья (шлема/миссюрки), корпусного «пансыря» и створчатых наручей с кольчатыми «полурукавицами» сформировался, вероятно, еще в XVI–XVII вв.² Однако вплоть до начала XIX в. отдельные черкесские воины еще могли периодически применять щиты и некоторые другие элементы упомянутых выше предметов защитного вооружения.

Трансформация традиционного доспеха Северо-Западного Кавказа была продиктована, как развитием производственных технологий (появление «пансырной» и кольчато-пластинчатой брони, распространение цельнокюваных наголовий), оптимизацией конструкции защитных элементов (трехстворчатые наручи с кольчато-ременным соединением и «полурукавицами», стоячие кольчужные воротники и т.д.), эволюцией оружия нападения, а также тактики ведения боя и военного дела народов региона в целом. Высокие боевые характеристики черкесского доспеха, а также высокая степень его адаптивности к местным природно-климатическим и военно-политическим реалиям предопределили консервативность комплекса защитного вооружения Северо-Западного Кавказа XVI–XIX вв. В результате, процесс его развития на протяжении указанного периода носил не революционный, а поступательно-эволюционный характер.

В завершении рассмотрим особенности черкесской панолии и в системе защитного вооружения Евразии эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени.

¹ В собственно черкесских погребениях развитого средневековья створчатые наручи типа «базубанд» пока не обнаружены, но они фиксируются в синхронных вайнахских и полонецких памятниках Северо-Восточного Кавказа и западного Прикубанья соответственно (Горелик, 2008: 172). Не исключено, что со временем, двухстворчатые наручи будут обнаружены и в собственно черкесских погребениях XIII–XIV вв.

² Именно в таком виде он был заимствован в середине XVI – начале XVII вв. литовскими «пятигорцами» и польскими «панцерными казаками».

В XV – первой половине XIX вв. на Евразийском континенте доминировали четыре основных Военно-культурных традиции: Западноевропейская, Западноазиатская, Центральноазиатская и Восточноазиатская, которые были представлены серией основных и симбиотических региональных комплексов защитного вооружения (Бобров, 2011: 39–41). Сравнительный анализ показал, что доспех Северо-Западного Кавказа типологически наиболее близок панцирным комплексам, изготовленным в рамках Западноазиатской военно-культурной традиции, которая на протяжении рассматриваемого периода господствовала на большей части Мусульманского мира от Северной Африки до Восточного Туркестана и от Казахских степей до Индии (Бобров, 2011: 21–24, 39–41). При этом, защитное вооружение черкесов имеет существенные отличия от синхронных паноплий народов Западной Европы, Центральной и континентальной Восточной Азии (Бобров, 2011: 16–48).

В своем классическом виде Западноазиатская военно-культурная традиция сформировалась в XV в. на территории Малой и Передней Азии, а затем стремительно распространилась по северу Африканского континента, а также Средней и Южной Азии. Кроме того, она оказала значительное влияние на развитие защитного вооружения народов Восточной Европы второй половины XV–XVII вв. (русских, поляков, литовцев, крымских татар, ногаев), Западной и, в меньшей степени, Южной Сибири XVI–XVIII вв. (сибирских татар, хантов, телеутов, енисейских кыргызов и др.), а также Центральной Азии XVII–XVIII вв. (джунгар). Достаточно быстро внутри Западноазиатской ВКТ выделилось два доминирующих региональных комплекса защитного вооружения: Малоазиатский (осmano-мамлюкский) и Переднеазиатский (иранский). Первый получил широкое распространение на территории Османской империи, а второй возобладавал в Передней, Средней и Южной Азии. Стремительная экспансия Западноазиатской ВКТ была обусловлена не только военными успехами ее носителей (турков, персов, узбеков и др.), но и технологическим совершенством составляющих ее предметов защитного вооружения.

Абсолютно преобладающей разновидностью металлической защиты корпуса воинов Западноазиатской ВКТ были панцири с кольчатой и кольчато-пластинчатой структурой бронирования, скроенные в виде «рубихи» с коротким подолом и рукавами или «куртки» с коротким подолом и сплошным осевым разрезом, а также зеркальные доспехи различных видов. В качестве боевых наголовий в большинстве случаев применялись шлемы и миссюрки с цельнокованой тульей. Для защиты конечностей использовались створчатые наручи с ремненным и кольчато-ремненным соединением (иногда в комбинации с кольчужной «полурукавицей»), створчатые наголенники, а также кольчато-пластинчатые и кольчатые набедренники в комбинации с коваными полусферическими наколенниками. Важным элементом защитного комплекса являлись круглые ручные щиты, изготовленные из дерева (прутьев или деревянных планок), твердой кожи или железа (Бобров, 2011: 21–24, 33–35, 40–48).

Отмечая несомненную близость «черкесского доспеха» защитному вооружению государств Западноазиатской военно-культурной традиции¹ необходимо отметить и некоторые важные различия. Так, в частности, на Северо-Западном Кавказе не получили сколько-нибудь значительного распространения такие важные элементы западноазиатской паноплии, как цельнокованные шлемы османского образца с пластинчатой защитой лица, щек и шеи (т.е. с козырьками с подвижными наносниками-стрелками, наушами, назатыльниками), иранские шлемы с пиковидным острием, подвижным наносником-стрелкой и парными височными втулками для плюмажа («кула-худ»), кольчато-пластинчатые корпусные панцири типа «бехтерец», «юшман» и др., кольчато-пластинчатые набедренники, створчатые наголенники, иранские зеркальные доспехи «*чар айна*» из четырех стальных пластин прямоугольной и подпрямоугольной формы, цельнометаллические и плетеные ручные щиты, конские доспехи из железа и органических материалов и др. Особо отметим такой яркий факт, как почти полное отсутствие в комплексе защитного вооружения адыгов XVI–XIX вв., столь популярных в Османской Турции и Иране корпусных кольчато-пластинчатых доспехов.

Считаем необходимым подчеркнуть, что отказ от изготовления подобных панцирей являлся осознанным решением северокавказских мастеров. Последние были прекрасно знакомы с данной структурой бронирования. Как уже отмечалось выше, именно с территории Северо-Западного Кавказа происходит один из самых ранних образцов кольчато-пластинчатого доспеха датируемый серединой XIV в., да и в более поздний период (вплоть до XIX в.) черкесские оружейники продолжали снабжать шлемы и миссюрки собственного производства бармицами с кольчато-пластинчатой структурой бронирования (рис. 1,2; 3, 2). Тем не менее, для изготовления корпусных панцирей данный вид брони практически не применялся.²

¹ Преобладание кольчатых панцирей покроя «рубиха», как основной разновидности корпусного доспеха, наличие в черкесском защитном комплексе цельнокованных шлемов с кольчатой бармицей «переднеазиатского типа», миссюрки, створчатых наручи с комбинированным кольчато-ремненным соединением и кольчатыми рукавицами и т.д.

² Данный оружейный и военно-исторический феномен, вероятно, объясняется не только (а возможно и не столько) спецификой местных оружейных технологий, но также особенностями тактического искусства, традицией и боевой практикой черкесских воинов рассматриваемого исторического периода.

В целом, «черкесский доспех» типологически значительно менее разнообразен, чем синхронные панцирные комплексы Османской Турции, Ирана или Московии. Кроме того, по большинству абсолютных и относительных показателей он значительно легче своих малоазиатских и переднеазиатских аналогов, что выражается в использовании адыгами «пансырей» вместо более тяжелых «кольчуг», широком распространении миссюрки и облегченных типов шлемов-«пдьлао», крайне слабом распространении набедренников и конских панцирных попон, а также отказа от применения кольчато-пластинчатых и зеркальных доспехов, створчатых наголенников, цельнометаллических щитов и т.д. Фактически классический «черкесский доспех» в своей максимальной комплектации (наголовье, кольчатый панцирь, наручи с кольчатými «полурукавицами») соответствовал доспеху не тяжеловооруженной, а средневооруженной конницы западноазиатского образца. Что касается собственно тяжеловооруженных подразделений, составленных из всадников использующих усиленный панцирный комплект и сидящих на покрытых броней конях, то данная разновидность кавалерии, по всей видимости, совершенно отсутствовала в черкесских войсках рассматриваемого периода, что было обусловлено спецификой военного искусства адыгов развивавшегося в конкретных географических, природно-климатических и военно-политических условиях. Подчеркнем, что черкесского комплексы защитного вооружения оказались хорошо адаптированы, как для северокавказского, так и для восточноевропейского театра боевых действий и военных реалий данных регионов. Характерно в данной связи, что черкесское защитное вооружение было весьма востребовано, как среди состоятельных воинов Северного Кавказа, так и среди представителей знати Московского государства второй половины XV–XVII вв., ногайской, крымско-татарской и калмыцкой аристократии XVII – начала XIX вв., а также «пятигорцев» и «панцерных казаков» Речи Посполитой второй половины XVI–XVII вв.

5. Заключение

Таким образом, собранные материалы позволяют определить комплекс защитного вооружения народов Северо-Западного Кавказа («черкесский доспех»), как особый субкомплекс (вариант) Северокавказского регионального комплекса Западноазиатской военно-культурной традиции.¹ Эволюция данного субкомплекса в XV–XVIII вв. была обусловлена развитием местных производственных технологий при относительно небольшом влиянии османской и иранской панолии. «Черкесский доспех» является одним из самых легких комплексов защитного вооружения Западноазиатской военно-культурной традиции. Вместе с тем он был оптимально адаптирован для ведения интенсивного конного боя в условиях как пересеченного (в том числе горного), так и степного ландшафта, что обусловило его популярность среди многих народов региона, а также предопределило длительность его бытования в боевой практике воинов Северного Кавказа.

6. Благодарности

Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (проект № 1.4539.2017/8.9).

Литература

- Анисимова, 2013 – Анисимова М.А. Оружие Востока XV– первой половины XX века: из собрания Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб.: Атлант, 2013. 527 с.
- Аствацатурян, 2004 – Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПб.: ООО Изд-во «Атлант», 2004. 432 с.
- Аталиков, 2010 – Аталиков В.М. Кавказ. Европейские дневники XIII–XVIII веков. Нальчик. Издательство В. и М. Котляровых, 2010.
- Ахмеджан, 2007 – Ахметжан К.С. Этнография традиционного вооружения казахов. Алматы: Алматыкитап, 2007. 216 с.

¹ Доспех народов Северо-Восточного Кавказа будет рассмотрен нами в специальной работе. Здесь же отметим, что предварительный анализ собранных материалов показал, что состоятельные воины данного региона использовали защитное вооружение типологически весьма близкое панолии черкесов Северо-Западного Кавказа. Так, в частности, преобладающей разновидностью корпусных доспехов чеченцев, ингушей, аварцев, кумыков и др. являлись все те же кольчатые панцири (с «кольчужной» и «пансырной» системой бронирования) скроенные в виде «рубахи» с коротким подолом и рукавами. Среди боевых наголовий преобладали цельнокованные шлемы и миссюрки, а защита рук была представлена, хорошо известными по черкесским материалам, створчатыми наручами с кольчатыми «полурукавицами». Данные факты позволяют говорить о существовании единого Северокавказского регионального комплекса защитного вооружения Западноазиатской военно-культурной традиции, в рамках которого могут быть выделены отдельные субкомплексы (варианты) защитного вооружения: черкесский, ингушский, чеченский, аварский и др. Т.же мы не исключаем, что по мере дальнейших исследований, станет возможным выделить особый Кавказский региональный комплекс защитного вооружения Западноазиатской военно-культурной традиции. В пользу данной версии свидетельствует типологическая близость панолии некоторых закавказских народов (грузин-хевсуров и др.) доспехному комплексу воинов Северного Кавказа XV–XIX вв.

- Барановский, 1979** – Барановский Б. Кавказ и Польша в XVII в // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М.: Наука, 1979. С. 249-252.
- Белл, 1974** – Белл Д. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838, 1839 гг., т. 1-2. Лондон, 1840 – перевод с английского Н. Данкевич-Пушиной. Нальчик. 1974.
- Бобров, 2011** – Бобров Л.А. Основные направления эволюции комплексов защитного вооружения народов Центральной, Средней и континентальной Восточной Азии второй половины XIV-XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. Барнаул, 2011. 54 с.
- Бобров, 2014** – Бобров Л.А. К вопросу о золотоордынском влиянии на оружейные комплексы народов Центральной и Восточной Азии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 363-367.
- Бобров, Белоусова, 2015** – Бобров Л.А., Белоусова Н.Е. Находки золотоордынского вооружения в Азии и проблема влияния оружейных комплексов Восточной Европы на военное дело народов Сибири, Центральной и континентальной Восточной Азии XIII–XV вв. // *Золотоордынская цивилизация*, 2015, №8. С. 156-165.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016a** – Bobrov L.A., Sal'nikov A.V. North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey). Design features, design and combat use // *Bylye Gody*. 2016. No. 2. pp. 323-334.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016b** – Bobrov L.A., Sal'nikov A.V. Helmet "Tang" from the collection of the Metropolitan Museum of art the North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapı Palace (Istanbul, Turkey) // *Bylye Gody*. No. 4, 2016. pp. 1077-1086.
- Бобров, Сальников, 2016с** – Бобров Л.А., Сальников А.В. «Черкесский» наруч из собрания «Музея исламского искусства» (г. Доха, Катар) в контексте междисциплинарных исследований // *Успехи современной науки*. 2016. № 10. Т. 7. С. 91-97.
- Вилинбахов, 1982** – Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1982. 254 с.
- Всеподданнейший рапорт, 1828** – Всеподданнейший рапорт ген.-п. Эмануэля, от 10 июня 1828 г. Горячеводск // АКАК. Т. VII. Тифлис, 1878. С. 878-881.
- Гордеев, 1954** – Гордеев Н.В. Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 61–114.
- Гордин, 2000** – Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: «Звезда», 2000. 465 с.
- Горелик, 2004** – Горелик М.В. Халха-калкан (монгольский щит и его дериваты) // Культурные традиции Евразии. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2004. С. 182–194.
- Горелик, 2008** – Горелик М.В. Черкесские воины Золотой Орды (по археологическим данным) // *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН*. Нальчик, 2008. Вып. 15. С. 158–189.
- Двуреченский, Барышев, Бирюков, 2012** – Двуреченский О.В., Барышев А.В., Бирюков П.В. Шелом черкасский. М.: Государственный военно-исторический и природный музей-заповедник «Куликово поле», 2012. 56 с.
- Золотая Орда, 2003** – Золотая Орда в источниках. Арабские и персидские сочинения. Т. 1. М.: «Наука», 2003. 448 с.
- Кармов, 2014** – Кармов Т.М. Кабардино-черкесские воины армии Ивана Грозного // История военного дела: исследования и источники. 2014. Т.6. С.37-45.
- Карпов, 2015** – Карпов Ю.Ю. Образ воина в культурно-историческом наследии горцев Кавказа/Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. 2015. С.268-226.
- Кулешов, 2008** – Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // *Военная археология*. Вып. 1. М.: Квадрига, 2008. С. 94-98.
- Лапшов** – Лапшов С.П. Армии противников в польско-шведской войне 1601–1629 годов. Вооруженные силы Речи Посполитой. URL:[http:// http://www.reenactor.ru](http://www.reenactor.ru) (дата обращения 26.05.2017).
- Курбатов, 2007** – Курбатов О.А. Армии эпохи Ренессанса // *Сержант*, 2007, № 41, С. 3-11.
- Марзей, 2004** – Марзей А.С. Черкесское наездничество. ЗекІуэ. Из истории военного быта черкесов в XVIII – первой половине XIX века. Нальчик: «Эль-Фа», 2004. 305 с.
- Мемуары, 2002** – Мемуары графа де Рощешуара, адъютанта императора Александра I // Кавказская война: истоки и начало. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2002.
- Нарожный, 2008** – Нарожный Е.И. О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // *Военная археология*. Вып. 1. М.: Квадрига, 2008. С. 42-54.
- Образцов, 2015** – Образцов В.Н. Оружие Востока в собрании Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2015. 232 с.
- Описание, 1799** – Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, Вероисповеданий и прочих достопамятностей. Часть II.

О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия Наук, 1799. 178 с.

Остахов, 2015 – Остахов А.А. Щит в процессе эволюции адыгского оружия и военного искусства (XIII–XVII вв.) // *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства Кабардино-Балкарской Республики и Кабардино-Балкарского Научного центра Российской академии наук*. 2015. № 1. С. 51-57.

Попко, 1880 – Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. СПб., «Кулиша», 1880. Вып. 1. С. 133-134.

Потто, 1998 – Потто В.А. Кавказская война. Ермоловское время. Т.2. Ставрополь: «Стрижамент: историческое наследие», 1998. 296 с.

Ривкин, Пинчо, 2011 – Ривкин К., Пинчо О. Оружие и военная история Кавказа. Запорожье: ООО «РоялПринт», 2011. 128 с.

Сальников, 2015 – Сальников А.В. К вопросу о присутствии наручей в защитном вооружении народов Северного Кавказа XIII-XV вв. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2015. №1. С. 111-116.

Скиба, 2004 – Скиба К.В. К вопросу о тактике, наступательном и оборонительном вооружении равнинных закубанских племен в начале XIX в. / *Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа*. Вып. 2. Армавир, 2004. С. 306-313.

Смирнова, 1990 – Смирнова Л.И. Предметы военной экипировки некоторых народов Кавказа в XIX в. (в собрании МАЭ) // *Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии*. Вып. 2. М.: Наука, 1990. С. 91-103.

Схатум, 2003 – Схатум Р.Б. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в Золотоордынский период // *Материалы и исследования по археологии Кубани*. Краснодар: кубанский государственный университет, 2003. С. 223-234.

Чахкиев, 1988 – Чахкиев Д.Ю. Кольчатый доспех позднесредневековых вайнахских воинов // *Новые археолого-этнографические материалы по истории Чечено-Ингушетии*. Грозный, 1988. С. 67-84.

Чахкиев, Нарожный, 1990 – Чахкиев Д.Ю., Нарожный Е.И. Погребение знатного горского воина начала XV века из селения Верхний Алкун (Чечено-Ингушетия) // *Военное дело Древнего и Средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Н.: Кооператив «Полиграф», 1990. С. 129-140.

Челеби, 1979 – Челеби Э. Книга путешествия (Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII в.). Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. Вып. 2. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. 288 с.

Alexander, 2015 – Alexander D.G. Islamic Arms and Armor in the Metropolitan Museum of Art. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2015. 336 p.

Rivkin, 2016 – Rivkin K.A. Arms and Armor of Caucasus. New-York: Yamna Publishing, 2016. 328 p.

References

Anisimova, 2013 – Anisimova M.A. (2013). Oruzhie Vostoka XV – pervo jpoloviny XX veka: iz sobraniya Voenno-istoricheskogo muzeya artilleryi, i nzhenernyh vojsk i vojsksvyazi. [Weapons of the East in XV– first half of XX century: from the collection of the Military historical Museum of artillery, engineer and signal corps.] SPb.: Atlanta. 527 p.

Astvacaturyan, 2004 – Astvacaturyan E.G. (2004). Oruzhie narodov Kavkaza. [Weapons of the Caucasian peoples]. SPb.: ООО Publishing house "Atlant". 432 p.

Atalikov, 2010 – Atalikov V.M. (2010). Caucasus. Kavkaz. Evropejskie dnevniki XIII–XVIII vekov. [The European diaries of XIII–XVIII centuries]. Nalchik. Publisher V.M. Kotlyarova, 2010.

Ahmedzhan, 2007 – Ahmetzhan K.S. (2007). Ehtnografii atradicionnogo vooruzheniya kazahov. [Ethnography of the traditional weapons of the Kazakhs]. Almaty: Almatykitap, 2007. 216 p.

Baranovskij, 1979 – Baranovskij B. (1979). Kavkaz i Pol'sha v XVII v. [The Caucasus and Poland in the XVII century] // *Russia, Poland and the black sea region in XV–XVIII centuries*, Moscow: Nauka. pp. 249-252.

Bell, 1974 – Bell D. (1974). Dnevnik prebyvaniya v SCherkessii v techenie 1837, 1838, 1839 gg. [Diary of stay in Circassia during 1837, 1838, 1839]. Vol. 1-2. London, 1840 – English. GN Dankevich-Pushinoi. Elbrus. Nalchik.

Bobrov, 2011 – Bobrov L.A. (2011). Osnovnye napravleniya ehvolucii kompleksov zashchitnogo vooruzheniya narodov Central'noj, Srednej i kontinental'noj Vostochnoj Azii vtoroj poloviny XIV–XIX vv. [The main directions of the evolution of protective weaponry complexes of the peoples of Central, Middle, and continental East Asia in the second half of the XIV–XIX centuries]. Abstract of thesis on competition of a scientific degree of the doctor of historical Sciences. Barnaul. 54 p.

Bobrov, 2014 – Bobrov L.A. (2014). K voprosu o zolotoordynskom vliyanii na oruzhejnye kompleksy narodov Central'noj i Vostochnoj Azii [To the question about the influence of Golden Horde on the weapons complexes of the peoples of Central and Eastern Asia] // *Proceedings of the IV (XX) Russian archaeological Congress in Kazan*. Т. III. Kazan. pp. 363-367.

Bobrov, 2014 – Bobrov L.A. (2014). «Vorony astaya» nad Krymom. Tataro-kalmykskoe protivoborstvo v stepyah Severnogo Prichernomor'ya (sentyabr' 1661 – yanvar' 1663 gg.) ["Flock of crows"

- over the Crimea. Mongol-Kalmyk confrontation in the steppes of the Northern black sea (September 1661 – January 1663)] / *Medieval Turkic-Tatar States in 2014*. No. 6. pp. 238-248.
- Bobrov, Belousova, 2015** – *Bobrov L.A., Belousova N.E.* (2015). Nahodki zolotoordynskogo vooruzheniya v Azii i problema vliyaniya oruzhejnyh kompleksov Vostochnoj Evropy na voennoe delo narodov Sibiri, Central'noj i kontinental'noj Vostochnoj Azii XIII–XV vv. [Finds the Golden weapons in Asia and the influence of complexes of Eastern Europe on military Affairs of the peoples of Siberia, Central and continental East Asia in the XIII–XV centuries]. *Golden civilization*, №8. pp. 156-165.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016a** – *Bobrov L.A., Sal'nikov A.V.* (2016). North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). Design features, design and combat use. *Bylye Gody*. No. 2. pp. 323-334.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016b** – *Bobrov L.A., Sal'nikov A.V.* (2016). Helmet "Tang" from the collection of the Metropolitan Museum of art the North Caucasian helmets of the Crimean Tatar nobility, the Museum of Topkapi Palace (Istanbul, Turkey). *Bylye Gody*. No. 4, pp. 1077-1086.
- Bobrov, Sal'nikov, 2016v** – *Bobrov L.A., Sal'nikov A.V.* (2016). "Circassian" Bracer from the collection "the Museum of Islamic art" (Doha, Qatar) in the context of interdisciplinary studies. *Advances of modern science*. No. 10.Vol. 7. pp. 91-97.
- Vilinbahov, 1982** – *Vilinbahov V.B.* (1982). Iz istori irussko-kabardinskogo boevogo sodruzhestva [From the history of Russian-Kabardian military cooperation]. Nalchik: Publishing house "Elbrus". 254 p.
- Vsepoddannejsij, 1878** – Vsepoddannejsij raport gen.-p. Ehmanuehlya, ot 10 iyunya 1828 g. Goryachevodsk [Humbly report gene.-p. Emanuel, dated 10 June 1828 Goryachevodsk] // AKAK. T. VII. Tiflis. 1878. pp. 878-879.
- Gordeev, 1954** – *Gordeev N. V.* (1954). Russkij oboronitel'nyj dospekh [Russian defensive armor] // The State Armoury chamber of the Moscow Kremlin. M. pp. 61-114.
- Gordin, 2000** – *Gordin Ya.A.* (2000). Kavkaz: zemlya i krov'. Rossiya v Kavkazskoj vojne XIX veka [The Caucasus: land and blood. Russia in the Caucasian war of the XIX century]. SPb.: Zvezda. 465 p.
- Gorelik, 2004** – *Gorelik M.V.* (2004). Halha-kalkan (mongol'skij shchit i ego derivaty) [Khalkha Kalkan (Mongolian shield and its derivatives)] / Cultural traditions of Eurasia. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. pp. 182-194.
- Gorelik, 2008** – *Gorelik M.V.* (2008). Cherkesskie voiny Zolotoj Ordy (po arheologicheskim dannym) [Circassian warriors of the Golden Horde (according to archaeological data)]. *Bulletin of Institute of humanitarian researches of Government of KBR and KBSC Russian Academy of Sciences*. Nalchik. Vol. 15. pp. 158-189.
- Dvurechenskij, Baryshev, Biryukov, 2012** – *Dvurechenskij O.V., Baryshev A.V., Biryukov P.V.* (2012). Shelom cherkasskij [Shelom Cherkasy]. Moscow: State military historical and natural Museum-reserve "Kulikovo pole". 56 p.
- Zolotaya Orda, 2003** – Zolotaya Orda v istochnikah. Arabskie i persidskie sochineniya [The Golden Horde in the sources. Arabic and Persian works]. Vol. 1. M.: Nauka, 2003. 448 p.
- Karmov, 2014** – *Karmov T.M.* (2014). Kabardino-cherkesskie voiny armii Ivana Groznogo [Kabardino-Circassian soldiers of the army of Ivan Grozny]. *History of military Affairs: studies and sources*. vol. 6. pp. 37-45.
- Karpov, 2015** – *Karpov Yu.Yu.* (2015). Obraz voina v kul'turno-istoricheskom nasledii gorcev Kavkaza [The way of the warrior in the cultural and historical heritage of the mountaineers of the Caucasus] / The Caucasian Peoples: the Museum's collections, research objects and phenomena of traditional and modern culture. SPb.: Museum of anthropology and Ethnography. Peter the Great (Kunstkamera) RAS. pp. 268-226.
- Kuleshov, 2008** – *Kuleshov Yu.A.* (2008). O pozdnem zashchitnom vooruzhenii narodov Severnogo Kavkaza [Late protective arms of the peoples of the North Caucasus]. *Military archeology*. Vol. 1. Moscow: Kvadriga, pp. 94-98.
- Lapshov** – *Lapshov S.P.* Armii protivnikov v pol'sko-shvedskoj vojne 1601-1629 godov. Vooruzhennyye sily Rechi Pospolitoj [Enemy army in the Polish-Swedish war 1601-1629 years. The armed forces of the Commonwealth]. [electronic resource] URL:[http:// http://www.reenactor.ru](http://www.reenactor.ru) (accessed 26.05.2017).
- Kurbatov, 2007** – *Kurbatov O.A.* (2007). Armii ehphoi Renesansa [Army, Renaissance] / Sgt, No. 41, pp. 3-11.
- Marzej, 2004** – *Marzej A.S.* (2004). Cherkesskoe naezdnichestvo. ZekIueh. Iz istorii voennogo byta cherkesov v XVIII-pervoj polovine XIX veka [Circassian naezdnikov. Secue. From the history of military life of the Circassians in the XVIII-first half of XIX century]. Nalchik: "El-FA", 305 p.
- Memuary, 2002** – Memuary grafa de Rosheshuara, ad'yutant aimperatora Aleksandra I [Memoirs of the count de Roselare, adjutant of the Emperor Alexander I] / Caucasian war: the origins and beginning. SPb.: Publishing house of the magazine "Zvezda", 2002. 531 p.
- Narozhnyj, 2008** – *Narozhnyj E.I.* (2008). O nekotoryh tipah srednevekovykh shlemov s territorii Severnogo Kavkaza [Some types of medieval helmets from the territory of the North Caucasus]. *Military archeology*. Vol. 1. Moscow: Kvadriga. pp. 42-54.
- Obrazcov, 2015** – *Obrazcov V.N.* (2015). Oruzhie Vostoka v sobranii EHrmitazha [Weapons of the Orient in the Hermitage collection]. SPb.: Publishing house of the State Hermitage. 232 p.

Opisanie, 1799 – Opisanie vseh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov I ih zHITEjskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, Veroisповеданij I prochih dostopamyatnostej [Description all living in the Russian state peoples and their everyday rituals, habits, clothes, houses, Religions, and other memorable objects]. Part II. About the peoples of the Tatar tribe and other still not fixed the origin of the Siberian North. SPb.: Imperial Academy of Sciences, 1799. 178 p.

Ostahov, 2015 – Ostahov A.A. (2015). SHCHit v processe ehvolyuci iadygskogo oruzhiya I voennogo iskusstva (XIII–XVII vv.) [The shield in the evolution of Circassian weapons and military art (XIII–XVII centuries)]. *Bulletin of Institute of humanitarian researches of the Government of Kabardino-Balkaria and Kabardino-Balkarian Scientific center of the Russian Academy of Sciences*. No. 1. pp. 51-57.

Popko, 1880 – Popko I.D. (1880). Terskie kazaki so starodavnih vremen [Terek Cossacks from ancient times]. SPb. Vol. 1. pp. 131-134.

Potto, 1998 – Potto V.A. (1998). Kavkazskaya vojna. Ermolovskoe vremya [Caucasian war.Yermolov's time].Vol. 2. Stavropol: "Strizhament: the historical legacy". 296 p.

Rivkin, Pincho, 2011 – Rivkin K., Pincho O. (2011). Oruzhie I voennaya istoriya Kavkaza [Weapons and military history of the Caucasus]. Kiev: OOO "Realpoint". 128 p.

Sal'nikov, 2015 – Sal'nikov A.V. (2015). K voprosu o prisutstvii naruchej v zashchitnom vooruzhenii narodov Severnogo Kavkaza XIII–XV vv. [To the question about the presence of Bracers in the protective arms of the peoples of the North Caucasus in XIII–XV centuries] // *Historical and socio-educational thought*. No. 1. pp. 111-116.

Skiba, 2004 – Skiba K.V. (2004). K voprosu o taktike, nastupatel'nom I oboronitel'nom vooruzhenii ravninnyh zakubanskih plemen v nachale XIX v. [To the question of tactics, offensive and defensive weapons of transkuban lowland tribes in the early 19th century] / Materials and researches on archeology of the North Caucasus. Vol. 2. Armavir. pp. 306-313.

Smirnova, 1990 – Smirnova L.I. (1990). Predmety voennoj ehkipirovki nekotoryh narodov Kavkaza v XIX v. (v sobranii MAEH) [Items of military equipment, some of the Caucasian peoples in the XIX century (in the collection of MAEH)] // Ethnographic aspects of traditional military organization of the peoples of the Caucasus and Central Asia. Vol. 2. M: Nauka. pp. 91-103.

Skhatum, 2003 – Skhatum R.B. (2003). SHCHit v komplekse vooruzheniya osedlyh plemen Severo-Zapadnogo Kavkaza v Zolotoordynskij period [The shield in the weapon system of sedentary tribes of the Northwest Caucasus in the Golden Horde period] / Materials and researches on archeology of Kuban. Krasnodar: Kuban state University. pp. 223-234.

Chahkiev, 1988 – Chahkiev D.Yu. (1988). Kol'chatyj dospek pozdnesrednevekovyh vajnahskih voinov [Ringed armor of the late medieval Vainakh warriors] // New archeological and ethnographic materials on the history of Chechen-Ingushetia. Ivan. pp. 67-84.

Chahkiev, Narozhnyj, 1990 – Chahkiev D. Yu., Narozhnyj E.I. (1990). Pogrebenie znatnogo gorskogo voina nachala XV veka iz seleniyaVerhnij Alkun (Checheno-Ingushetiya) [The burial of a noble warrior Gorsky the beginning of the XV century from the village of Upper Alkun (Chechen-Ingushetia)] / *Military of Ancient and Medieval populations of Northern and Central Asia*. N.: Cooperative Polygraph, pp. 129-140.

Chelebi, 1979 – Chelebi E.H. (1979). Kniga puteshestviya (Izvlachenie iz sochineniya tureckogo puteshestvennika XVII v.). Zemli Severnogo Kavkaza, Povolzh'ya I Podon'ya [Book travel (Extract from the writings of Turkish traveler of the XVII century). The lands of the Northern Caucasus, the Volga and the Don]. Vol. 2. M: the Main edition of Oriental literature publishing house "Nauka". 288 p.

УДК 903.22

«Черкесский доспех» в системе защитного вооружения народов Мусульманского Востока XV – середины XIX вв.

Леонид Александрович Бобров ^{a, *}, Алексей Викторович Сальников ^b

^a Новосибирский государственный университет, Российская Федерация

^b Армавирский социально-психологический институт, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассмотрены состав, особенности конструкции и эволюции комплекса защитного вооружения воинов Северо-Западного Кавказа позднего Средневековья и раннего Нового времени. Установлено, что в основе «черкесского доспеха» XV – середины XIX вв. лежала адыгскаяпанолия Золотоордынского периода. Основным направлением развития являлась оптимизация конструкции кольчатой структуры бронирования защиты корпуса (вытеснение традиционных «кольчуг» более легкими и практичными кольчатыми «пансырями»), появление и распространение новых и обновленных типов боевых наголовий (малых шлемов *пдьлао*, миссюрк и

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: spsml@mail.ru (Л.А. Бобров), alexkat_salnikov@mail.ru (А.В. Сальников)

др.), а также трехстворчатых наручей с кольчато-ременным соединением и кольчатыми «полурукавицами». При этом из широкого военного обихода были вытеснены шлемы с масками-личинами, кольчато-пластинчатые корпусные панцири, уменьшились размеры и сократилась частота употребления щитов и т.д. Результатом данного процесса стало постепенное облегчение и без того не слишком тяжелого доспешного комплекса.

Сравнительный анализ позволил определить «черкесский доспех», как особый субкомплекс (вариант) Северокавказского регионального комплекса Западноазиатской военно-культурной традиции. Эволюция данного субкомплекса в XV–XVIII вв. была обусловлена развитием местных производственных технологий при относительно небольшом влиянии османской и иранской паноплии. «Черкесский доспех» является одним из самых легких комплексов защитного вооружения Западноазиатской военно-культурной традиции. Вместе с тем он был оптимально адаптирован для ведения интенсивного конного боя в условиях как пересеченного (в том числе горного), так и степного ландшафта, что обусловило его популярность среди многих народов региона, а также предопределило длительность его бытования в боевой практике воинов Северного Кавказа и Восточной Европы. Надежное, но при этом, достаточно легкое защитное вооружение позволяло черкесским панцирным подразделениям сочетать мобильность с высокой прорывной способностью и устойчивостью в ближнем и дистанционном бою, что делало их крайне опасным противником, как для армий кочевников Восточной Европы, так и для регулярных и иррегулярных войск Российской империи.

Ключевые слова. Северный Кавказ, Западная Азия, черкесы, защитное вооружение, панцири, шлемы, наручи.